

Михаил Бакунин
Статья в «Амур», журнал восточной Сибири
25 апреля 1861

Амстердамский институт Социальной Истории.
11 страничная статья Бакунина, находящегося в ссылке в сибирском городе Иркутске, повествует о недавних событиях в Монголии, в провинции китайской империи Цин. В этой статье уже можно неявно увидеть будущие идеи Бакунина-анархиста (на момент написания этой статьи Бакунин был скорее социалистом-федералистом), например, о коллективном бунте как о высшей ценности для любого класса, о испорченности купечества (буржуазии), о том, что власть, с одной оговоркой, развращает. Рассматривая народолюбивость нового Амбаня Монголии, который дал бой старой администрации и купеческим монополистам, тем самым немного облегчив народную жизнь, он начинает рассматривать купеческий класс, почему он не может повести народ вперед, хотя является самым продвинутым и близким (даже родственно) к народу, далее рассматривает влияние и характеристику местной государственной власти.

ru.anarchistlibraries.net

Статья в «Амур», журнал восточной Сибири

Михаил Бакунин

25 апреля 1861

«АМУР»

ГАЗЕТА ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ
№ 33 от 25-го апреля 1861 года.

В некотором царстве, да именно в китайском государстве, есть город Урга, как бы сказать столица всей Монголии. Не знаю когда послан был туда новый амбань, прямо от богдохана Амбань этот был человек в высшей степени замечательный; в нем соединены были качества, которые редко встречаются в одном человеке: высокая честность, душа пылкая, любящая, благородная, воля железная, энергия неукротимая, трудолюбие неутомимое. Патриот страстный, он весь был предан общему благу и интересам отечества. Ум его быстрый, почти всеобъемлющий граничил с гениальностью. Богдохан, ценивший его преданность и его способности, сам выбрал его для управления Урги и Монголии где по отдаленности от столицы, происходили тогда

страшные злоупотребления: казнокрадство, неправда и притеснения всякого рода процветали там в такой невероятной степени, как процветают теперь разве только в Маньчжурии, как известно другой китайской провинции, пограничной с Монголией. Чины и места получались и сохранялись за деньги: заплатив должное старшему, младший был вполне обеспечен и мог безнаказанно давить и грабить бедный народ и своих подчиненных. Мало того, недовольствуясь своим собственным грабежом, чиновники, поставленные от богдохана для охраны казны и народа, продавали как те, так и другие богатоплатящим монополистам из купечества, у которых все управление края было на откуп, перед которыми поэтому мелкие чиновники дрожали, а народ загнанный, застрашенный, чуть не становился на колени – Есть еще в Урге старики, между отставными чиновниками и купцами, которые вспоминают со вздохом об этом золотом времени бесправия и буйного произвола, когда достаточно было быть богатым для того, чтоб быть всемогущим, когда на казенных подрядах наживались баснословные капиталы, когда весь бедный народ был отдан в кабалу владельцам капиталов, а для последних не существовало ни гражданских, ни уголовных законов, – когда, в споре с купцом, бедняк как бы ясно не было его право, был всегда неправ, а богач, убивший простолюдина мог откупиться деньгами – И в самом деле, жирное было то время для иных купцов и чиновников, но бесконечно тощее для народа. – Вот посреди этой аристократической масляницы, явился вдруг новый Амбань, друг бедных людей, защитник народа, ну да и рассердился. Да и мог ли не рассердиться человек благородный при виде такой вопиющей неправды. Сам божественный учитель кротости и любви не воздержал святого негодования, и вооружившись ремнем, выгнал святотатцев из храма, превращенного ими в торжище. Есть степень зла, не допускающая ни кротости, ни терпения и

требующая мер решительных, энергических. Новый Амбань, сильный доверенностью Богдохана и патриотизмом своим, вступил в борьбу с ургинским бесчиньем, и употребил на нее всю свою энергию. То была борьба не на жизнь, а на смерть! Поднялся вопль в стране вороватых чиновников и монополистов; возы избалованных притеснителей и казнокрадов вереницей потянулись в Маньчжурию, где для них нашелся приют: – народ вздохнул свободнее. Он впервые узнал, что право его ограждено законом, и что для него есть правосудие, есть сердце в Урге: открылись для его жалоб, для его нужд и страданий двери и слух народолюбивого Амбана, а за ним стали к ним прислушиваться и все другие. – После тяжелой и неравной борьбы, продолжавшейся несколько лет, все чиновничество, очищенное, облагороженное, стало мало-помалу проникаться сознанием, что не народ для него, а оно существует для блага народа.

Ургинское купечество с первого раза не влюбило Амбана. К его среде принадлежали те монополисты, против которых он вооружился именем человечества и закона; оно заключило из этого что Амбань враг и притеснитель всего купеческого сословия: – заключение в высшей степени ошибочное и несправедливое! Просвещенный и умный Амбань слишком хорошо понимал важность этого сословия для блага края, оживляемого его оборотами, и где, за отсутствием дворянской аристократии, но относительной независимости своего положения, оно должно бы было сделаться передовым классом. Непримируемый враг монополии и всех притеснительных привилегий, он вместе с тем был другом самостоятельности граждан в границах общего права, очень хорошо разумея, что администрация бессильна для блага общественного, когда не опирается на самостоятельность общественной жизни. Поэтому, признавая то высокое положение, к которому кажется сама си-

ла вещей готовит купечество в Монголии, он от всей души желал ему преуспения, силы, богатства, почета, лишь бы оно их достигало не грубым и развращающим действием денежного обаяния и подкупа на бедность, слабость и подлость людскую, а к общему благу, единственными путями, ведущими к прочной и благородной самостоятельности, – то есть сознанием и соблюдением своих прав и обязанностей, честным, разумным и просвещенным трудом, и нравственным достоинством. В этом направлении и духе, он готов был помогать ему всеми от него зависевшими средствами – купечество не поняло его.

Во всей китайской империи наступает теперь для купечества лучшее время. Но не так давно еще оно находилось в жалком положении, как и в отношении своих общественных прав, так и в умственном и нравственном отношении. Далеко не имея всех прав, обеспечивающих гражданскую самостоятельность купеческого сословия в других странах, оно не умело воспользоваться даже и теми, которые признаны за ним китайским законом. В нем нет общей мысли, общей цели, общей воли, одним словом, нет единодушия, этого неперемennого условия всякого сословного преуспения. Всякий стоит за себя, и никто за всех. В нем нет разумного понимания своих интересов, потому что нет просвещения, ни веры в него, ни даже истинной охоты к нему. За несколькими блестящими исключениями, оно погружено в глубокое и упорное невежество. Вышедшее большей частью из крестьянского класса, оно разделяет его предрассудки и его темноту. Оно стоит ближе к народу, чем класс мандаринов-чиновников, принявших, с грехом пополам, чужую цивилизацию и гордящихся как обезьяны и попугаи чужими манерами и чужим языком: – и в этом именно состоит его огромное преимущество перед ними: Оно не вырвало своего корня из родной почвы, поэтому способно к развитию и жизни: оно имеет несомненную бу-

душность, – в то время как мандаринов с разноцветными шариками и без шариков легко может постигнуть участь сухой соломы, если они не преобразятся и не возживут вновь силой и жизнью народной.

Но житейское купечество до сих пор как-то мало ценило это несомненное преимущество и пользовалось своим ближайшим родством с народом чуть ли не для того только, чтоб лучше грабить народ. С этой целью, оно даже вступало в союз с чиновниками, ненавистными ему во всех других отношениях. Вообще китайское купечество не отличалось до сих пор чрезмерным нравственным достоинством. В нем мало нравственных убеждений, руководящих жизнью и делами: даже религия его перешла в бездушную обрядность, за строгим соблюдением которой скрывается грешное поклонение золотому тельцу. Оно гордится только грубым денежным преобладанием, капиталами нередко бог знает как нажитыми, а неблагородством труда разумного и просвещенного, единственно созидającego прочное благосостояние лиц, сословий и государства: – гордится богатством, а не достоинством своего независимого положения. Оно вообще мало ценит и понимает его, так мало, что лишь представляется к тому малейшая возможность оно спешит записать детей своих в ненавидимый им класс мандаринов. Если же не готовит их в мандарины, то не дает им почти никакого воспитания: точно как будто вне мандаринской блестящей мишуры и глубокого невежества, нет обширной среды деятельного образования, и как будто преуспевание современной торговли было возможно без чести, разума и просвещения! К несчастью, огромное большинство китайского купечества не признает этого до сих пор, считая образование не только бесполезным, но даже положительно вредным для торговли, на том основании, что оно будто бы отвлекает молодых людей от дела, наполняет головы их пустяками

и заставляет их пренебрегать своим званием. Такое дикое суждение объясняется отчасти тем, что купечество не знает почти другого образования кроме мандаринского, а мандаринское воспитание, чаще всего обращенное на внешний блеск, поверхностное, лишенное и нравственного и строго научного смысла образует в самом деле или чаще самодовольных и мало куда годных верхоглядов, и ни к чему не применимо, так что те из молодых мандаринов, которые впоследствии хотят делать дело, должны переучиваться. Образование значительного большинства купеческих сыновей ограничивается, с другой стороны, грамотой без грамматики первыми четырьмя правилами арифметики и простым счетоводством. Этим кончается их ученая мудрость; за сим начинается мудрость практическая, житейская, преемственная, передаваемая из рода в род, и составляющая как бы не писанный свод правил, поверий и предрассудков, создавшихся под вековым влиянием рабства и невежества. Сначала мальчиком, потом приказчиком в лавке или в конторе, купеческий сын привыкает обманывать и божиться, обмеривать и обвешивать, продавая гниль за добрый товар. В этом заключается его нравственное воспитание, а в уме его закрепляется, между тем, ничем в последствии неискоренимое убеждение, что вся тайна торговли состоит в умение надуть ближнего. Если-ж, несмотря на весь окружающий темный мир, в душе молодого человека мелькнет мысль истинная и благородная, то против нее восстанут все; и знакомые, и хозяева, и родные, – и трудно ей удержаться против напора таких предрассудков. В воспитании китайского купечества преобладает страшный деспотизм и дикое самоволье, или, как говорят ныне, самодурство старших, недопускающих и тени свободного, самостоятельного убеждения!

«Как смеет молодой человек думать, как смеет он рассуждать перед старшими!». Все практическое ученье кло-

сих пор, верит более в деньги, чем в право. И если разобрать хорошенько, то окажется, может быть, что чрезмерное преобладание бюрократии было главной причиной той безнравственности и того невежества, в которых мы также его упрекаем. Будь купечество самостоятельнее, оно без сомнения было бы честнее и скорее создало бы потребность счистить и возвысить себя просвещением.

Зло существует. Но кто ж может помочь ему, как не само купечество? Только те сословия живут, которые носят в себе силу обновления. Само купечество должно завоевать принадлежащее ему место, не деньгами и не подкупом, как тщетно силилось оно сделать – это в прошедшем, а силой нравственного достоинства, соблюдением своих прав и обязанностей и гражданским разумом; прежде-ж всего просвещением и освобождением себя от вековых предрассудков. В Китае для всех наступает теперь лучшее время. Пусть же купечество примет участие в великом деле народного возрождения и знает, что только те сословия достойны жизни, которые приобщаются к интересам всех классов и всего государства – равно как только те государства живут, которые служат общечеловеческим интересам.

Ю. Елизаров¹.

/ Продолжение впредь /²

¹ Псевдоним Бакунина.

² Продолжение этой статьи так и не вышло, скорее всего, по причине того, что Бакунин сумел осенью 1861 года сбежать из Сибири.

людей, занимающихся ей, не понимая того, что она сама создана для служения обществу, а не для притеснения его, и что один честный, умный, дельный купец нередко заключает в себе более истинного достоинства и приносит государству больше пользы, чем сотня бумагомарающих, привилегированных чиновников. Мудрено ли, что лучшие люди этого сословия избегают общественных должностей, не обещающих им ничего кроме пустой траты времени, оскорблений, неприятностей и издержек; что купечество отстало от общественной жизни, что каждый заботится лишь о себе, ограждая себя и свое имущество не правами, в которые никто не верит, но средствами другими, разрушительными для достоинства торгового класса, вредными для всего Государства?

Всякая привилегия вредна не только для тех, которые ее лишены, но и для тех в пользу которых она существует: покровительствуя последним, она их разрешает; и ничто так не портит, как общественное преобладание, сила без меры и без противодействия, отсутствие контроля и возможность безнаказанного произвола. Все, что не соответствует своей цели, становится вредно; цель администрации – общественное благо. Позабыв эту цель и заменив ее самослужением она непременно должна была развратиться. Вот что и случилось с китайской администрацией. Еще недавно, все в ней было продажно, а так как она была всесильна, то и предписывала всем без изъятия условия, какие хотела. Каково-ж должно быть положение китайского народа, подвергнутого в продолжении веков такому управлению! – И весь народ принял вследствие того, какое-то особое торговое направление. Но возвратимся к купечеству. При таких отношениях к власти, оно должно было, не разбирая уж средств, думать только о накоплении богатств, необходимых для ежедневного выкупа, и свыкшись раз с таким направлением, оно естественным образом еще до

нится, кажется, к тому, чтоб убить до конца разум и волю человека; – и задавленные, поврежденные многолетним систематическим гнетом, разум превращается исподволь в зловредную хитрость, и воля или совсем пропадает или переходит в дикое буйство. Если ж природа молодого человека довольна сильна, чтоб выдержать двойной напор невежества и патриархального деспотизма, то она выходит из борьбы все-таки изуродованной. Таким способом образуются так называемые *кремни*, эти самородные, крепкие личности о которых все прочие купцы говорят с такой гордостью, с таким уважением и с такой охотой. Есть в самом деле между купцами старики и непременно старики, о молодых редко когда разговаривают, ума и характера поразительного: должны быть в самом деле умны, если умели выдержать купеческое воспитание! В них все кажется есть: и воля железная, и ума палата, и сердце могучее и широкая опытность драгоценная, и знание дела и крайне громадное: иной и плохо грамоте знает, а мог бы кажется занять место министра финансов или торговли. Но взгляните поближе и вы увидите, что, несмотря на несомненные преимущества все эти замечательные лица носят на себе непременно печать всеобщего повреждения. Они умны, очень умны, но их ум бывает доступен нелепым предубеждениям, и, обуреваемый дикими страстями, нередко доходит до совершенного затмения; воля их становится тогда жестокосердным упорством, и во всем существе их могут, но изуродованном, чувствуется что-то произвольное, неразумное, непримиренное. В семействе, в конторе, в лавке, они упорные деспоты: они душат молодость, не верят в нее, с неистовством отвергают всякое движение вперед, отстаивая нелепую старину, которая чуть было их самих не забила: таким образом они вымещают на жизни юной, страдания своих юных лет. Такие люди, несмотря на их бесспорное превосходство, скорее вредны, чем полезны

для общества, которое они тормозят, тянут назад, подавляя всех и все одним своим присутствием. И это лучшие люди! Мудрено ли, что большинство погрязает или в плутовском ничтожестве, или в буйном разврате, что мало можно насчитать купеческих домов в Китае, которые бы пережили три поколения, и что большая часть торговых оборотов в Китае, основанных гораздо чаще на ловкости и на удаче, чем на разумном понимании дела, носят на себе отпечаток мелкой плутовской рутины? Мудрено ли, наконец, что плохо связанное в самом себе, равнодушное ко всему что не денежная выгода, китайское купечество ни только чуждо интересам всеобщим, но не умеет отстаивать даже свои сословные интересы?

Не в одном только невежестве нужно, однако, искать причины такого грустного явления, а также в отношениях купечества к администрации. В Китае, в продолжении веков, администрация значила все, общество ничего. Такое отношение пагубно для общественной жизни, произошло, однако, самым естественным образом. Было время, когда администрация всесильная была необходима для сохранения государственной целостности, для спасения народа от крамол внешних и внутренних. Тогда инстинкт народный, руководимый умными богдыханами, сплотил ее и посвятил ей, сосредоточил в ней свои лучшие силы. Но бури прошли: администрация, созданная для борьбы, осталась и пала всей тяжестью на жизнь народную. Опираясь на несомненные заслуги, она мало-помалу привыкла смотреть на себя как на высшее выражение и как на единственную цель общественного развития, и стала в самом деле процветать и расти в ущерб всем другим отправлениям общественного организма и всюду мешаясь, всем управляя, не допуская ни малейшего проявления жизни без своего участия и ведома. Управляемый таким образом край постепенно отвык от всякой самостоятельности; в нем стала

жить и действовать только одна администрация. Образовался класс служилых людей из рода в род посвящавших себя исключительно государственной службе; таким образом произошла аристократия мандаринов чиновников; перед которой все другие сословия и земледельческое, и торговое, поверглись в совершенное ничтожество.

Напрасно богдыханское правительство старалось впоследствии восстановить равновесие, наделив, например купеческое сословие некоторыми правами. Оно не умело и не могло ими воспользоваться, отвыкнув от самостоятельной жизни: оно утратило силу, связь и политический смысл, необходимые для дружного действия, потеряло веру в свое право. Бывали, однако, примеры, что передовые люди из купечества, известные своим умом, своей честностью, вступали в борьбу с бюрократическим произволом за интересы сословия; и что ж, в неравной борьбе, победа оставалась ли когда за купечеством? И оно окончательно привыкло смотреть на свои права, как на мертвую букву. Давно ли еще самое почетное положение и звание и даже признанное всеми нравственное и умственное превосходство не ограждали купца от чиновной грубости, от насилия? Последний чиновник, особливо из тех, которые говорят по-японски, считал себя в праве смотреть на него с высоко, – и самые лучшие удивлялись себе, когда им случалось встретить его ласково, и думали, что оказывали ему удивительное снисхождение, когда, по обязанности службы, скоро и без придилок исполняли его законные требования. – Даже проповедники гуманных идей между ними, обойдясь с купцом, как с равным себе, не могли не подумать в тайне: «вот каков я, обхожусь с купцом как со своим братом!». И не подозревали, что свой то брат очень плох, и что одному классу перед другим в Китае нечего ни завидовать, ни гордиться. Вообще администрация смотрела как-то презрительно и враждебно на торговлю и на